

МОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВЪ ЖУРНАЛАХЪ.

(Отрывокъ изъ Записокъ).

ОЧЕНЬ РАНО, еще на университетской скамьѣ, началъ работать для журнала, издававшегося профессоромъ Двигубскимъ: «Магазинъ натуральной исторіи». То были, большею частью, переводы изъ книгъ, относившихся къ главному предмету моихъ занятій—естествознанію. По выходѣ изъ университета, избравъ педагогическую службу, я не прекращалъ такъ рано начатаго участія въ періодическихкихъ изданіяхъ: то въ тотъ, то въ другой журналъ по временамъ я дѣлалъ вклады, разумѣется, безплатные, но приносившіе мнѣ пользу въ томъ отношеніи, что я лично узнавалъ редакторовъ, интересовавшихъ любознательную молодежь. Такъ, въ первомъ году изданія «Московского Вѣстника» (1827) напечатана моя статья: «Четыре возраста естественной исторіи», пропитанная, по тогдашнему выраженію студентовъ, «павловщиной», т. е. духомъ и тономъ лекцій любимѣйшаго нашего профессора М. Г. Павлова. Это доставило мнѣ знакомство съ издателемъ журнала, М. П. Погодинымъ, а чрезъ него и съ С. П. Шевыревымъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ изданіи. Другая статья въ «Телеграфѣ» 1832 года, разборъ книги А. Л. Ловецкаго, профессора Московскаго университета: «Краткое начертаніе естественной исторіи животныхъ», познакомила меня съ К. А. Полевымъ, который представилъ меня своему брату, Николаю Алексѣвичу. При свиданіи съ послѣднимъ, онъ сказалъ мнѣ нѣсколько лестныхъ

словъ, послѣ чего я почувствовалъ себя какъ бы выросшимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Молодежь того времени держалась скромно передъ извѣстными литераторами, и ласковый пріемъ съ ихъ стороны считала особенною честью. На положенные дни для вечернихъ у нихъ собраний мы смотрѣли какъ на дни табельные. Видѣть на этихъ собраніяхъ умныхъ людей, слушать ихъ умныя рѣчи было для насъ наилучшимъ угощеніемъ, именно слушать и поучаться, а не самому врываться въ разговоръ. Такого азарта мы себѣ не позволяли по нашему малознанію, или по скромности, которая, и при порядочныхъ знаніяхъ, сдерживаетъ юношу отъ заносчивости, внушаетъ ему чувство приличія, тактъ. Я помню, какъ, въ первый визитъ мой Николаю Алексѣвичу, завязался у него споръ съ А. Ѳ. Вельтманомъ о сравнительномъ значеніи Петра I и Екатерины II. Вельтманъ восхвалялъ Екатерину за ея гуманныя идеи; Полевой гораздо выше ставилъ Петра, какъ такого государя, который дѣлалъ свое дѣло, имѣя въ виду лишь пользу своего отечества, безъ всякаго тщеславія, безъ всякаго желанія выказать себя въ блескѣ передъ Европой. Я страшно боялся, что Полевой будетъ побитъ; къ удовольствію моему, вышло иначе: онъ взялъ вверхъ, чему я искренно обрадовался. Да и какъ было не радоваться? вѣдь онъ былъ нашъ любимецъ; мы всласть читали его журналъ. Знакомствомъ съ издателемъ «Телескопа», Н. И. Надеждинымъ, я одолженъ одному изъ моихъ университетскихъ товарищей, Н. С. Селивановскому, сыну извѣстнаго въ свое время московскаго типографщика, въ домѣ котораго онъ занималъ квартиру. Тамъ часто встрѣчалъ я давнишняго моего пріятеля, Н. Х. Кетчера, переводчика Шекспира. Онъ помогалъ Надеждину переводами съ нѣмецкаго и французскаго; имъ-то было переведено первое философское письмо Чадаева, надѣлавшее столько шума и причинившее переворотъ въ судьбѣ редактора «Телескопа». Мое же сотрудничество въ этомъ журналѣ ограничивалось грамматическими статейками, почему Кетчеръ и прозвалъ меня «великимъ мужемъ русской грамматики»¹⁾. Замѣчу, что, не смотря на все уваженіе къ таланту, знаніямъ и профессорской дѣятельности Н. И. Надеждина, у меня, равно какъ и у другихъ студентовъ одного со мною курса, былъ «противъ него зубъ» за его критическія нападки на Пушкина, которыя онъ помѣщалъ въ «Вѣстникѣ Европы» изъ угожденія его издателю, Каченовскому. Неправедливая критика, конечно, принесла ожидаемые плоды: по собственнымъ словамъ Надеждина, онъ «вѣхалъ въ университетъ на спинѣ Каченовскаго», но такой результатъ, по нашему чувству, не облегчалъ вины, а скорѣе усиливалъ ее. Бѣлинскаго, редактировавшаго листокъ «Молву» при «Телескопѣ», не удавалось мнѣ встрѣчать у

¹⁾ Одно изъ сочиненій Карамзина носитъ именно такое заглавіе.

Надеждина. Въ первый разъ я увидалъ его на вечерѣ у Селивановскаго: онъ показался мнѣ застѣнчивымъ, какимъ дѣйствительно и былъ по природѣ. Въ томъ же домѣ началось мое знакомство съ В. П. Боткинымъ, скоро ставшее на пріятельскую ногу.

Съ прекращеніемъ «Московского Телеграфа» въ 1835 году и «Телескопа» въ 1836 году, мое журнальное сотрудничество остановилось. Между тѣмъ, я привыкъ къ нему и полюбилъ его. Оно нѣкоторымъ образомъ выдвигало меня изъ среды учителей, нахватавшихъ такое количество уроковъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ домахъ, что имъ не оставалось времени не только для посторонняго ихъ профессіи дѣла, напримѣръ, для журнальной работы, но и для чтенія книгъ по ихъ предмету. Поэтому они стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ съ запасомъ когда-то пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, глохли и даже тупѣли. Я, напротивъ, боялся запрячь себя исключительно въ педагогическую упряжь; у меня были свободные часы, которые и употреблялъ я на знакомство съ выходящими въ свѣтъ сочиненіями, чтобы слѣдить за литературнымъ движеніемъ, и на составленіе статей для журналовъ. Что я терялъ при меньшемъ числѣ уроковъ, сравнительно съ моими товарищами, то вознаграждалось двойною пользой: и для кармана, и для самообразованія. Съ появленіемъ «Библіотеки для Чтенія», литературный трудъ сдѣлался статьей дохода. Но гдѣ было искать такого труда? У редактора «Библіотеки для Чтенія», г. Сенковского (онъ же баронъ Брамбеусъ)? Но онъ отталкивалъ отъ себя направленіемъ своей редакторской дѣятельности. Въ «Московскомъ Наблюдателѣ», основанномъ въ 1835 году? Но ни имя его редактора (Андросова), ни денежные его средства не обѣщали долговѣчности журналу. Онъ наполнялся статьями случайными, такъ сказать, забѣглыми, авторы которыхъ не принимали къ сердцу судьбы изданія, потому что не находили въ томъ существеннаго интереса. Только С. П. Шевыревъ радѣлъ о немъ усердно, сильно, хотя и всеу, ратуя противъ «Библіотеки для Чтенія» и Сенковского, или, справедливѣе, противъ такъ названнаго имъ меркантильнаго направленія въ литературѣ, которое, по его мнѣнію, началось съ того времени, какъ писатели стали получать гонораръ за свой трудъ и тѣмъ самымъ будто бы обратили умственную производительность въ ремесло, а ея произведенія въ простой товаръ. Напрасно Гоголь доказывалъ ему несправедливость такого взгляда: дѣло не въ томъ, — писалъ онъ въ «Современникѣ» Пушкина, — что редакторъ подкушаетъ своихъ подписчиковъ статьею, за которую, какъ за всякій другой товаръ, заплатилъ деньги; дѣло въ томъ, каковъ товаръ — хорошій или дурной. Если хорошій, то нѣтъ причины браковать его и оставаться имъ недовольнымъ; если же дурной, то качество его не улучшится отъ того, что онъ присланъ въ журналъ даромъ. Вообще «Московскій Наблюдатель» не

имѣлъ успѣха; публика относилась къ нему равнодушно, а со смертію Андросова, покинутый на произволъ судьбы, онъ кое-какъ влачилъ свое существованіе и, наконецъ, съ 1838 года перешелъ въ руки Степанова, содержателя типографіи, въ которой печатался. Степановъ пригласилъ въ редакторы Бѣлинскаго, съ прекращеніемъ «Телескопа» и «Молвы» оставшагося безъ журнальной работы и вмѣстѣ безъ средствъ для жизни. Но эта редакція не могла обезпечить критика: она ежемѣсячно приносила ему только сто рублей. За неимѣніемъ запроса на литературный трудъ въ Москвѣ, нужно было искать его въ Петербургѣ, гдѣ стала развиваться журналистика, не боясь уже соперничества Полеваго и Надеждина. Кочевое участіе въ періодической прессѣ было ни то, ни сѣ: мнѣ хотѣлось сотрудничества постояннаго, осѣдлаго, и скоро представился къ тому удобный случай.

Въ 1836 году, А. А. Краевскій, служившій въ Петербургѣ и работавшій нѣсколько лѣтъ въ редакціи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», задумалъ самъ быть журналистомъ. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ Воейковымъ, редакторомъ «Русскаго Инвалида», о передачѣ ему «Литературныхъ прибавленій» къ этой газетѣ. Въ это время я имѣлъ уроки въ женскомъ пансіонѣ, который содержала его мать, Варвара Николаевна. Съ истиннымъ удовольствіемъ вспоминаю я о многолѣтнемъ знакомствѣ съ нею. Болѣе добросердечной женщины мнѣ рѣдко случалось видѣть на моемъ вѣку. Доброта ея неизмѣнно выказывалась и въ отношеніи къ воспитанницамъ. Я хорошо зналъ многіе, очень извѣстные тогда московскіе пансіоны (Жарни, Данквартъ, Севенаръ), но ни въ одномъ изъ нихъ не видалъ, чтобы пансіонерки были такъ искренно привязаны къ своей начальницѣ, какъ въ пансіонѣ Варвары Николаевны. Онѣ любили ее родственной любовью. Онѣ не только называли ее обычнымъ именемъ «таман» во время своего образованія, но сохраняли это названіе по окончаніи ученія, даже по выходѣ замужъ, и привозили къ ней своихъ дѣтей, словно внучатъ и внучекъ къ доброй бабушкѣ. На учителей смотрѣла она не какъ на наемниковъ, которые, сведя съ ней счеты, могутъ и не знать ее, потому что она, съ своей стороны, также въ нихъ не нуждается. Нѣтъ, она обращалась съ ними пріязненно, дружески, какъ съ добрыми пособниками. Нуждался ли учитель въ деньгахъ? Она ссужала его впередъ, не дожидаясь срока, установленнаго для платежа за извѣстное число уроковъ. Хотя она и знала не хуже другихъ, что порядокъ есть душа дѣла, но кстати оказанную помощь ставила выше порядка, и потому, сама нерѣдко находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, выводила педагога изъ затрудненія. И все это дѣлалось у нея просто, охотно, благорасположительно, конечно, потому, что человѣку доброму отъ природы легко и пріятно быть добрымъ.

Къ ней-то обратился я съ просьбой познакомить меня съ ея сыномъ и предложить ему мое сотрудничество въ «Литературныхъ прибавленіяхъ» къ «Русскому Инвалиду». Предложеніе было охотно принято. Редакторъ петербургской газеты нуждался въ такомъ человѣкѣ, который извѣщалъ бы его о книжныхъ московскихъ новостяхъ и давалъ бы о нихъ отчетъ. Мы обмѣнялись письмами: А. А. Краевскій выразилъ мнѣ свои желанія, а я откровенно объяснилъ ему, за что я могу взяться. Такимъ образомъ отъ 1836 года я веду счетъ моему продолжительному журнальному сотрудничеству. На первой порѣ оно ограничивалось разборомъ книгъ по русскому языку и словесности. Изъ числа ихъ «Основанія русской грамматики» Бѣлинскаго мнѣ особенно памятенъ тѣмъ, что отзывъ мой послужилъ поводомъ къ знакомству съ авторомъ, который остался доволенъ моимъ мнѣніемъ, оцѣнившимъ главную мысль книги согласно съ его собственнымъ взглядомъ. До этого времени, какъ выше сказано, я видѣлъ его только разъ, и то мелькомъ, на вечерѣ у Селивановскаго, гдѣ также былъ Н. А. Полевой, находившійся «не у дѣлъ», по запрещеніи «Телеграфа». Другой памятный фактъ — полученіе 450 рублей за статьи, напечатанныя втеченіе года. Такого куша никогда еще не бывало у меня въ рукахъ.

При занятіяхъ для «Литературныхъ прибавленій» я не имѣлъ нужды въ помощникахъ. Но, когда въ 1839 году г. Краевскій, издавая эту газету, сдѣлался еще редакторомъ «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ, кромѣ отдѣла «Критики», была введена «Библиографическая хроника», тогда оказалось невозможнымъ справиться одному съ работой для двухъ изданій. Явилась необходимость въ раздѣленіи труда между нѣсколькими лицами. Кромѣ того, надобно было подумать о томъ, гдѣ и какъ добывать всѣ входящія въ Москвѣ книги, такъ чтобы и московская библиографія, согласно съ программой журнала, отличалась полнотою. Въ послѣднемъ случаѣ пригодилось мнѣ мое знакомство съ университетомъ, при которомъ состоялъ цензурный комитетъ, и съ служившими въ этомъ комитетѣ, особенно съ секретаремъ его. Два раза въ мѣсяцъ отправлялся я туда за литературнымъ фуражемъ, т. е. забиралъ всѣ книги, доставленные туда изъ типографій втеченіе предыдущихъ недѣль. Послѣ того я распредѣлялъ полученное, по взаимному соглашенію, между мною и сотоварищами. Обстоятельно, въ особыхъ тетрадахъ, велъ я списокъ всѣхъ книгъ, перебывавшихъ въ нашихъ рукахъ, съ обозначеніемъ времени, когда онѣ взяты, и лицъ, къ кому поступали на разсмотрѣніе. Тетради эти, съ 1839 по 1863 годъ, хранятся у меня въ цѣлости. Я берегу ихъ какъ сокровище и по временамъ перелистываю... Сколько свѣтыхъ, пріятныхъ воспоминаній! сколько дорогихъ, незабвенныхъ именъ! Нѣтъ нужды, что мои тетради обветшали, чернила полиняли, да и бумага грубая, ручнаго издѣлія: онѣ — живая хроника

литературнаго, современнаго мнѣ движенія; онѣ — и личная хроника моихъ литературныхъ понятій и взглядовъ.

Первыми лицами, взявшимися со мною за обзоръ текущей московской литературы, были М. Н. Катковъ, только-что кончившій курсъ въ университетѣ кандидатомъ, и Бѣлинскій, занимавшійся редакціею «Московского Наблюдателя», но имѣвшій довольно свободнаго времени для работы и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Кто писалъ рецензіи въ «Отечественныя Записки», тотъ, разумѣется, не могъ писать о тѣхъ же сочиненіяхъ въ «Литературныя прибавленія»: они поступали къ другому, который, съ своей стороны, передавалъ ему тѣ, что находились у него. Два раза въ мѣсяцъ происходила такая смѣна¹⁾. Въ 1839 году, собираясь на жительство въ Петербургъ, Бѣлинскій въ замѣну себя рекомендовалъ П. Н. Кудрявцева, тогда еще студента, но уже извѣстнаго намъ своими повѣстями: «Катенька Пылаева» и «Флейта», изъ которыхъ первая напечатана въ «Телескопѣ», а вторая въ «Московскомъ Наблюдателѣ», обѣ подъ псевдонимомъ «Нестроевъ». Въ 1841 году, разстались мы съ М. Н. Катковымъ: онъ отправился въ Германію для довершенія образованія. Мы крѣпко по немъ тужили: въ небольшой періодъ совмѣстнаго съ нами сотрудничества онъ выказалъ сильно выдающійся талантъ и большія знанія на критическихъ статьяхъ: о «Пѣсняхъ русскаго народа» (Сахарова), о «Жизни» (доктора Зацѣпина), объ «Основаніяхъ риторики» (Зиновьева), объ «Исторіи русской словесности» (Максимовича) и другихъ. Оставшись вдвоемъ съ Петромъ Николаевичемъ, мы старательно правили свое дѣло до половины 1845 года, т. е. до отъѣзда его за границу съ тою же цѣлію, съ какою уѣхалъ М. Н. Катковъ. Изрѣдка присоединялся къ намъ В. П. Боткинъ, а позднѣе вошелъ въ нашъ кругъ профессоръ зоологіи Рулье, какъ специалистъ по своей части. Хотя на нашей обязанности лежала московская литература, однако жъ мы принимали на себя, иногда по собственному вызову, иногда по предложенію редакціи, разборъ книгъ, выходившихъ въ Петербургѣ. Случалось и наоборотъ: о сочиненіи, напечатанномъ въ Москвѣ, появлялась критическая статья

¹⁾ Позволяю себѣ, ради любопытства, приложить здѣсь списокъ первыхъ книгъ, взятыхъ мною изъ цензурнаго комитета: 1) Народный русскій пѣсennикъ, 2) Какъ любятъ женщины, 3) Необыкновенный случай, 4) Письмо изъ Бородинна, 5) Собраніе рецептовъ, 6) Разсужденіе о лажѣ, 7) Карманная книжка о цѣнности російской и иностранной монеты, 8) Borodino-Moscou, 9) Бородинская годовщина, 10) Сынъ миллионера, 11) О весеннемъ лѣченіи болѣзней, 12) О жизни, 13) Галерея умныхъ животныхъ, 14) Лексиконъ городского и сельскаго хозяйства, 15) Aux salomniateurs de la Russie (французскій переводъ стихотворенія Пушкина: Клеветникамъ Россіи), 16) Проекторъ, 17) О болѣзненныхъ вліяніяхъ въ Германіи, 18) Таблица о цѣнности російской и иностранной монеты. Первые шесть нумеровъ достались на долю Бѣлинскаго; слѣдующіе шесть на долю М. Н. Каткова; остальные шесть на мою долю.

Бѣлинскаго или другаго петербургскаго сотрудника «Отечественныхъ Записокъ» и «Литературныхъ прибавленій». Редакторъ предварительно сносился о томъ съ нами. Никакихъ неудовольствій, подозрѣній и пререканій по этому поводу не выходило.

Критика «Отечественныхъ Записокъ», въ первый годъ ихъ существованія, не имѣла строгой опредѣленности и единства направленія. Отъ редакціи мы не получали на этотъ счетъ никакихъ положительныхъ указаній. Мы знали только, что библиографическая хроника должна была по возможности отличаться полнотою, что статьи слѣдовало доставлять къ извѣстному сроку и что подъ ними не слѣдовало выставять именъ авторовъ. Характеръ этой «безыменной» критики, какъ бы исходящей отъ предмета безличнаго — отъ редакціи, формировался исподволь и установился лишь въ то время, когда Бѣлинскій сталъ главнымъ распорядителемъ критическаго отдѣла. До тѣхъ же поръ отчеты наши представляли такія качества, какія всегда появляются въ работѣ людей благонамѣренныхъ. При непріязни нашей къ петербургской журналистикѣ, въ лицѣ трехъ ея магнатовъ (Греча, Булгарина и барона Брамбеуса), мы вмѣняли себѣ въ заслугу и честь выражать мнѣнія, противоположныя ихъ мнѣніямъ. Въ ихъ литературствѣ мы видѣли неуваженіе къ литературѣ и наукѣ, служеніе не истинѣ, а жи и мамонѣ. «Не дѣлай того, что они дѣлаютъ; дѣлай вопреки имъ», — вотъ отрицательное правило, служившее для насъ руководствомъ. Оно сообщило и нашимъ статьямъ хотя отрицательный, но доброкачественный характеръ, такъ какъ противоположный ему характеръ, по нашему убѣжденію, страдалъ злокачественностью. Притомъ мы имѣли передъ собою примѣръ Бѣлинскаго. Мы хорошо знали его взглядъ на литературу вообще, на поэзію въ частности, — взглядъ, вынесенный имъ изъ кружка Н. В. Станкевича и уже достаточно разъясненный въ критическихъ статьяхъ «Молвы» и «Московского Наблюдателя». Въ поэзіи онъ видѣлъ не просто источникъ эстетическаго наслажденія, но и нравственное орудіе, облагораживающее человека. Этого понятія не упускали мы изъ виду и въ нашей работѣ.

Направленіе «Отечественныхъ Записокъ», какъ и вообще всей литературы, начиная съ сороковыхъ годовъ, или даже ранѣе (отъ смерти Пушкина), отличалось тенденціозностью, выражавшеюся всего сильнѣе въ критикѣ и библиографической хроникѣ. Эти два отдѣла должны были служить извѣстнымъ идеямъ и стремленіямъ нравственнымъ, общественнымъ и литературнымъ, которыя критикъ считалъ полезнымъ проводить въ среду читателей. Въ силу такой тенденціозности, служебнаго значенія критики, всегда ей болѣе вредящей, чѣмъ приносящей пользу, насъ интересовало не столько самое содержаніе разбираемаго сочиненія, сколько отношеніе содержанія къ дорогимъ для насъ убѣжденіямъ. Мы пользовались новымъ трудомъ литератора или ученаго, какъ поводомъ

поговорить о томъ, что составляло задачу журнала, давало ему цѣль, отвѣчало сущности его программы. Поводъ же легко было найти не только при разборѣ важной и дѣльной книги, но и при рецензіи самой ничтожной книжонки, въ родѣ «Средствъ для истребленія клоповъ и таракановъ», или «Искусства носить сапоги, не изнашивая». Мы ухитрились прицѣпляться къ чему ни попало, чтобы высказать то, о чемъ, по нашему мнѣнію, не слѣдовало молчать въ настоящую минуту. Способы высказыванія были различны: прямое или косвенное изложеніе нашихъ мыслей; прямое или косвенное осужденіе мыслей, несогласныхъ съ нашими; похвала лицамъ одного съ нами поля; порицаніе лицъ поля непріятельскаго. Иногда мы писали двусмысленно, въ увѣренности, что многіе уже выучились читать между строкъ и потому поймутъ настоящій смыслъ. Для достиженія цѣли употреблялись многія средства: серьезное изложеніе предмета, сатирическія выходки, насмѣшка. Не хватало у насъ пороха, — мы бросали пылью въ противника, и такъ или иначе старались вредить ему. Начала, которымъ служила критика, носили названіе либеральныхъ; тѣмъ же названіемъ обозначался и характеръ нашего журнала «Отечественныхъ Записокъ». Они развились и господствовали въ Западной Европѣ, сближеніе съ которой начато Петромъ: отсюда наше благоговѣніе къ его памяти и нелюбовь къ славянофильству. Однимъ словомъ, мы были приверженцы западной цивилизаціи, такъ называемые западники.

Здѣсь я считаю нужнымъ объяснить, какъ въ то время мы относились къ представителямъ славянофильства и въ чемъ, по тогдашнему нашему понятію, состояли пункты различія между ихъ ученіемъ и нашими взглядами. Прежде всего замѣчу, что большинство петербургскихъ литераторовъ имѣли превратное понятіе о томъ и другомъ. Изъ разговоровъ съ ними обнаруживалось, что они считали славянофиловъ врагами просвѣщенія, своего рода обскурантами, приравнивали ихъ къ издателямъ «мракобѣснаго» журнала «Маякъ» и даже, по невѣдѣнію или недомыслию, заподозрѣвали ихъ нравственную благонадежность. Другое дѣло — Москва: здѣшнимъ литераторамъ и журнальнымъ сотрудникамъ очень хорошо были извѣстны солидная и многосторонняя образованность корифеевъ славянофильства, крѣпость ихъ нравственныхъ началъ, искренняя и безкорыстная преданность идеямъ, которыя они старались распространять въ средѣ своихъ соотечественниковъ. Если Бѣдинскій относился къ нимъ непріязненно и позволялъ себѣ частію запальчивыя, частію колкія выходки, то это легко объясняется, во-первыхъ, его темпераментомъ, съ которымъ трудно бороться человеку, и, во-вторыхъ, увѣренностью въ истинѣ своей доктрины, тогда какъ доктрина ей противоположная могла, — такъ онъ думалъ, — вести къ вреднымъ послѣдствіямъ, именно къ ослабленію или застою русскаго просвѣщенія, къ отчужденію насъ отъ евро-

пейской цивилизаціи, въ которой онъ единственно видѣлъ идеалъ всяческаго преуспѣянія. Съ другой стороны, и поборники славянофильства были несправедливы къ западникамъ, обвиняя ихъ въ отсутствіи патріотическаго чувства и прилагая къ нимъ названіе космополитовъ. Странно было выслушивать подобные отзывы тому, кто зналъ, что къ числу несогласныхъ съ славянофильской доктриной принадлежали такія личности, какъ профессора: Грановскій, Соловьевъ, Кавелинъ, Кудрявцевъ, Чичеринъ... Несогласіе во взглядахъ вовсе не исключало взаимнаго уваженія и пріязненнаго знакомства, равно какъ и ученой борьбы. Грановскій полемизировалъ съ Хомяковымъ, Самаринъ съ Соловьевымъ и Кавелинымъ. Вѣдь и Шиллеръ находилъ, что исключительно національный интересъ есть скудный идеалъ для философа, который не только имѣетъ право, но даже обязанъ быть современникомъ всѣхъ вѣковъ, гражданинѣмъ всего міра, или человѣчества. Слѣдуетъ ли отсюда, что поэтъ не уважалъ нѣмецкой національности, не любилъ своего отечества? Да зачѣмъ такъ ходить далеко? Послушаемъ, что говоритъ авторъ «Писемъ русскаго путешественника»: «Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ... Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ». Можно не соглашаться съ такимъ взглядомъ и оспаривать его, но непозволительно думать, что Карамзинъ во время своего путешествія не былъ патріотомъ. То же самое непозволительно и въ отношеніи къ такъ называвшимся западникамъ: они, наравнѣ съ восточниками, т. е. славянофилами, искренно любили свое отечество. Съ этой стороны между тѣми и другими не существовало ни малѣйшаго различія; различіе заключалось въ основномъ, исходномъ пунктѣ ученія о развитіи народной жизни и въ средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли. По славянофильскому взгляду, русская народность должна развиваться изъ собственныхъ, ей присущихъ началъ; западники, напротивъ, требовали усвоенія западно-европейской цивилизаціи. Чего желали съ обѣихъ сторонъ? Освобожденія крестьянъ, распространенія народнаго образованія, простора и болѣе свободы литературы. Западъ «разлагается», «гніетъ»,—говорили Хомяковъ и Шевыревъ; сторонники Запада смѣялись надъ этими выраженіями. За идеаломъ развитія славянофилы обращались къ древней, до-петровской Руси, подобно нѣмецкимъ романтикамъ, ушедшимъ отъ современной имъ дѣйствительности въ средніе вѣка; отсюда ихъ неблаговоленіе къ петровской реформѣ, повредившей естественному росту Россіи, отчуждившей образованные классы отъ народа. Профессоръ Морошкинъ въ частномъ разговорѣ развивалъ такую мысль, что Россія до тѣхъ поръ не начнетъ возвышаться, пока Петръ I

не будетъ, въ общественномъ мнѣніи, низведенъ съ своего пьедестала. Нѣтъ, — возражали противники, — надобно идти не назадъ, а впередъ, слѣдуя примѣру Петра, сблизившаго насъ съ Европой, и вотъ Бѣлинскій пишетъ двѣ критическія статьи по поводу новаго изданія «Дѣяній Петра Великаго» (Голикова), «Древнерусскихъ стихотвореній» (т. е. пѣсенъ) Кирши Данилова, съ цѣлію выставить все величіе преобразователя, какъ творца новой Россіи, и всю неприглядность Руси древней. Слейся съ народомъ: таковъ былъ совѣтъ, который давали славянофилы образованному классу русскихъ; западники не понимали слова «слияніе» и толковали его въ томъ смыслѣ, что образованный долженъ низходить къ простолюдину, становиться въ уровень съ нимъ, тогда какъ, по ихъ мнѣнію, надлежало, напротивъ, простолюдыю восходить къ высшему классу, равняться съ нимъ силою образованности. Вотъ въ сущности пункты сходства и различія между двумя противными лагерями. Очень можетъ статься, что главною причиною разлада между ними служило плохое пониманіе основнаго тезиса славянофиловъ о сущности народности и развитія народной жизни, приведшее ко многимъ второстепеннымъ недоразумѣніямъ.

Возвращаюсь къ разсказу, послѣ небольшого отступленія, нужнаго для яснаго представленія характера періодической прессы.

Чтобы современный читатель, далеко ушедшій отъ той эпохи, о которой я говорю, могъ судить о значеніи и методѣ критики сороковыхъ годовъ, я позволяю себѣ привести одинъ изъ ея образчиковъ.

Въ прибавленіяхъ къ «Твореніямъ святыхъ отцовъ въ русскомъ переводѣ», издававшихся при Московской духовной академіи, напечатано «Первое письмо о конечныхъ причинахъ» (годъ 5, книжка 2-я, 1847 г.)¹⁾. Оно имѣетъ цѣлію опровергнуть взглядъ извѣстнаго французскаго ученаго, Литре, выраженный имъ въ статьѣ: «О важности и успѣхахъ фізіологій»²⁾. «Ученіе о конечныхъ причинахъ», говоритъ Литре, разрушено въ наше время новыми открытіями и изслѣдованіями наукъ положительныхъ; одна изъ великихъ заслугъ этихъ наукъ состоитъ въ изгнаніи отовсюду вымысленныхъ цѣлей и замѣнѣ гипотезъ фактами. Такъ какъ Огюстъ Контъ и его послѣдователь Литре увлекали насъ въ то время «положительной філософіей», и я даже намѣревался изложить главныя ея положенія, о чемъ и было заявлено въ ноябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1847 года, то понятно, что авторъ «Письма»,

¹⁾ «Письма о конечныхъ причинахъ» изданы отдѣльной книжкой. Сочиненіе ихъ приписывали Голубинскому, профессору філософіи въ Московской духовной академіи; но собственно это — трудъ студентовъ академіи, просмотрѣнный ихъ профессоромъ.

²⁾ «Revue des deux mondes».

какъ оппонентъ Литре, не могъ ожидать похвального отзыва, и вотъ что было сказано въ рецензiи:

«Большая часть ошибокъ, въ которыя впадали и впадаютъ защитники конечныхъ причинъ, состоитъ въ томъ, что они въ міросозерцаніе вносятъ понятіе пользы. Они забываютъ, что предметъ можетъ быть самъ себѣ цѣлью и что, слѣдовательно, цѣлесообразность и сообразность съ пользою не одно и то же. Другой источникъ ошибокъ заключается въ томъ, что философы, отыскивающие во всемъ пользу, выводили ее изъ ограниченнаго числа фактовъ и явленій. Вращаясь въ крошечномъ уголку міра, ничтожномъ въ сравненіи съ цѣлымъ, они упустили изъ вида, что въ другихъ уголкахъ есть тѣ же творенія, нѣсколько иначе устроенныя. и что одна и та же часть нашего тѣла или тѣла животныхъ, необходимая тамъ, гдѣ жилъ какой нибудь Сократъ, была обходимою тамъ, гдѣ Сократъ не жилъ. Подобныя разсужденія походили бы на разсужденія Лиллипута, который сталъ бы отыскивать пользу и необходимость въ маломъ ростѣ. Легко представить себѣ, въ какое бы отчаяніе впалъ лиллипутскій философъ, посѣтивъ страну гигантовъ. Есть страна, жители которой надѣлены зобами: хорошо бы было, если бъ одинъ изъ нихъ сталъ доказывать необходимость или пользу зоба, не подозрѣвая, что возможно и отсутствіе зоба. Къ такимъ воззрѣніямъ на устройство міра принадлежатъ слова Сократа: «не есть ли это дѣло промысла, что Творецъ, по причинѣ нѣжности глазъ, оградилъ ихъ вѣками, какъ дверьми, которыя, какъ надобно глядѣть, раскрываются, а во время сна смыкаются, и, чтобъ защитить глаза отъ вѣтра, покрылъ ихъ рѣсницами; а чтобъ имъ не причинилъ вреда потъ, текущій по лбу, выросли надъ ними брови». Сколько въ этихъ словахъ произвольнаго и ограниченнаго! Они подають поводъ не только къ неразрѣшимымъ, но и къ страннымъ вопросамъ о пользѣ разныхъ предметовъ міра. Въ самомъ дѣлѣ, волосы бровей останавливаютъ потъ, текущій по лбу,—какое же назначеніе волосъ на бородѣ и усахъ? Они выращены еще въ большемъ количествѣ, должны имѣть, по теоріи конечныхъ причинъ, свою неотъемлемую пользу, и вотъ безжалостная бритва отнимаетъ ее, эту пользу, и многіе изъ насъ завидуютъ тому полу, у котораго не растутъ ни бороды, ни усы. Такимъ образомъ расчетъ чело-вѣка, его мысль объ удобствѣ или красотѣ торжествуетъ надъ расчетомъ природы, надъ ея конечной причиной. Борода въ жаркомъ климатѣ скопляетъ въ себѣ потъ и та же борода сѣверныхъ жителей покрывается инеемъ: который же изъ этихъ двухъ предметовъ служить ея истиннымъ назначеніемъ? Сверхъ того, мы не знаемъ, что будетъ дѣлать теорія конечныхъ причинъ съ уродами, которыхъ такъ много и которые представляютъ явное уклоненіе отъ цѣлесообразнаго устройства природы. Находить цѣлесообразность въ каждой части животнаго тѣла значитъ доказывать вмѣстѣ ея необходимую пользу и тѣмъ стѣснять всемогущество Творящаго. Вы говорите, рѣсницы защищаютъ глаза отъ вѣтра? Но для чего же вѣтру дана сила вредить столь полезному органу, какъ глаза, и для чего же рѣсницамъ не дана полная сила ограждать этотъ органъ отъ губительныхъ вліяній вѣтра, пыли и жаровъ? Зачѣмъ чело-вѣкъ устроенъ именно такъ, что онъ падаетъ на землю тѣми частями тѣла, которыя для него всего драгоцѣннѣе? Вы отвѣтите, что Творецъ не хотѣлъ силою своего могущества нарушать естественное теченіе природы. Прекрасно! Слѣдовательно, великое слово истиннаго воззрѣнія найдено: естественность. Вотъ ключъ къ истинному ученію. А теорія конечныхъ причинъ никогда не сладитъ съ своимъ дѣломъ. Испытатели природы открыли уже многое въ дѣйствительномъ устрой-

ствѣ міра, и очень мало знаютъ о пользѣ всѣхъ ея твореній и каждой части творенія, да и знанія эти, большею частію, гипотетическія, добыча фантазіи. Вотъ ужъ сколько времени человѣкъ живетъ съ комарами и мухами, и до сихъ поръ не знаетъ истиннаго ихъ назначенія, по крайней мѣрѣ, не видитъ пользы вреда, ими причиняемаго. Пожалуй, можно искать ее въ томъ или другомъ вліяніи на нашу нравственность, т. е. объясненіе конечной причины перенести изъ міра физическаго въ міръ душевный, но такъ какъ отъ этого не выиграваютъ ни физика, ни нравственность, то человѣкъ и рѣшился на благое дѣло — истреблять цѣлесообразныхъ комаровъ и мухъ, необходимо полезныхъ по теоріи конечныхъ причинъ, но чрезвычайно-непріятныхъ по естественному ощущенію. Съ успѣхами астрономіи, звѣзды и луна потеряли свою прежнюю конечную причину—свѣтитъ землѣ. Было время, когда астрономы, основываясь на своихъ предположеніяхъ, заставляли двигаться планеты по такимъ хитрымъ путямъ, что одинъ вѣнценосецъ воскликнулъ: «Если бъ я былъ при сотвореніи міра, то посовѣтовалъ бы устроить его получше!» То же самое, пожалуй, скажетъ иной при разсужденіяхъ Сократа и другихъ философовъ, устанавливающихъ конечныя причины»¹⁾.

Голубинскому былъ непріятенъ такой отзывъ, хотя высшая духовная власть и успокоивала его, говоря: «огорчаться тутъ нечего; развѣ ты не видишь, что въ статьѣ больше остроумія, чѣмъ дѣла». Такъ передавалъ мнѣ Александръ Ивановичъ Невоструевъ, братъ Капитона Ивановича, трудившагося, вмѣстѣ съ Горскимъ, надъ описаніемъ рукописей синодальной библіотеки. Онъ былъ законоучителемъ въ московскомъ александровскомъ институтѣ, во время моего тамъ субинспекторства, а потомъ протоіереемъ въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, имѣлъ много знакомыхъ въ духовной академіи и постоянно поддерживалъ съ нею сношенія.

Другой примѣръ такой же критической манеры можно видѣть въ отзывѣ о новомъ русскомъ переводѣ всѣмъ извѣстнаго романа Гольдсмита: «Векфильдскій священникъ». Онъ помѣщенъ въ «Современникѣ»²⁾. Рецензентъ не пощадилъ ни автора, ни его творенія, хотя оно пользовалось и теперь пользуется несомнѣнною всемірною извѣстностью. За то редакція «Современника» читала статью съ большимъ удовольствіемъ, а К. Д. Кавелинъ не могъ удержаться отъ смѣха при ея злобно-яростномъ тонѣ, который давалъ знать, что авторъ статьи видитъ въ Гольдсмитѣ какъ бы личнаго врага своего. Между тѣмъ, этотъ авторъ можетъ увѣрить читателя, что онъ никогда не страдалъ ни яростью, ни злобой. Но таково, видно, свойство тенденціозной мысли, настроенной на извѣстный ладъ, смотрящей въ одну сторону, что она и нежелчной натурѣ даетъ иногда возможность извергать желчь. Когда рецензентъ спросилъ у Т. Н. Грановскаго, чтò онъ думаетъ о статьѣ, то услышалъ отъ него слѣдующее: «Статья, разумѣется, хороша,

¹⁾ «Отеч. Зап.», 1847 г., сентябрь, «Библіографическая хроника» (стр. 22—25).

²⁾ Въ 1847 г. (ноябрь), въ отдѣлѣ «Русская литература».

по отношенію къ вашему взгляду, но по отношенію къ роману отъ начала до конца фальшива. Знаменитый романъ она смѣшала съ грязью: такъ нельзя судить о поэтическихъ произведеніяхъ. Въ нихъ художество на первомъ мѣстѣ, а вы художества-то и не хотѣли знать». Именно не хотѣлъ, потому что носилъ въ головѣ совершенно иное. Романъ оказался виноватымъ потому, что онъ, говоря словами рецензій, «не къ лицу современнымъ стремленіямъ: теперь де нужны не векфильдскіе священники, а люди бодрые, дѣятельные, которые смотрѣли бы на вещи прямо и любили бы землю, какъ наше жилище».

Что тенденціозное направленіе критики приходилось ко времени, это доказывается постояннымъ изъ года въ годъ возрастающимъ, хотя туго и медленно, успѣхомъ «Отечественныхъ Записокъ». Сочувствіе людей, дорожившихъ европейской цивилизаціей, видимо обращалось на сторону этого журнала. Много помогло тому тогдашнее состояніе литературы и подвиги тѣхъ литераторовъ, которые господствовали въ ней, или, вѣрнѣе, претендовали на право господства. Я разумѣю Греча и Булгарина, владѣвшихъ правомъ издавать единственную частную газету «Сѣверную Пчелу», и Сенковского (онъ же баронъ Брамбеусъ), редактора «Библиотеки для Чтенія». Умалчиваю о четвертомъ лицѣ—Н. А. Полевомъ. Приниженный обстоятельствами, онъ волей-неволей былъ вынужденъ устроить компромиссъ съ указаннымъ триумvirатомъ, самозваннымъ цѣнителемъ отечественной словесности, распорядителемъ ея судебъ. Какъ относились они къ лучшимъ ея представителямъ, къ тѣмъ славнымъ именамъ, которыя неизмѣнно дороги каждому русскому? Для примѣра достаточно прочесть драгоценныя въ своемъ родѣ письма Булгарина и Сенковского къ Лелевелю¹⁾. Боже мой, какъ они разстилались передъ своимъ собратомъ въ благодарности за критику на «Исторію Государства Россійскаго»! какъ упрашивали его (Булгаринъ даже становился передъ нимъ на колѣни—«падамъ до ногъ») доконать русскаго историка! Не лучше было и обращеніе съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Первый обвинялся въ безнравственности своихъ сочиненій; юморъ втораго назывался малорусскимъ жартомъ, а онъ самъ приравнивался Поль де Коку. Баронъ Брамбеусъ, воздвигшій себѣ памятникъ тѣмъ, что первый ввелъ въ нашу литературу омерзительный элементъ — глумленіе, который чрезвычайно нравился нижезатажнымъ и подвальныймъ подписчикамъ на «Библиотеку для Чтенія», — баронъ Брамбеусъ, говорю я, возносилъ до небесъ стихотворенія Тимофеева, никому теперь неизвѣстныя, и каждый разъ величалъ ихъ автора прямымъ «наслѣдникомъ» Пушкина. Смѣясь надъ симъ и онымъ, преслѣдуя ихъ въ каждой книгѣ и книжонкѣ, онъ думалъ, что

¹⁾ «Русская Старина», 1878, №№ 8 и 9.

преобразовываетъ, улучшаетъ нашъ литературный языкъ, а самъ то и дѣло напшиговывалъ свою рѣчь полонизмами и другими антирусскими выраженіями и словами ¹⁾. Вотъ каковы были наши пѣвители и судьи! Понятно, что органы такихъ дѣятелей должны были оттолкнуть отъ себя и сотрудниковъ, и читателей, принадлежавшихъ къ классу людей благомыслящихъ, что тѣ и другіе перешли на сторону періодическаго изданія, вовсе непохожаго по своему направленію ни на «Сѣверную Пчелу», ни на «Библіотеку для Чтенія». Рассказываютъ, что въ одинъ изъ пріѣздовъ Жуковскаго въ Москву С. П. Шевыревъ умаливалъ его освободить русскую литературу отъ татарскаго нашествія Брамбеуса. Моленіе, конечно, эксцентричное, но чувство, которымъ оно внушено, вполне понятно: это — чувство благороднаго человѣка и патріота, горячо принимавшаго къ сердцу отечественное образованіе и отечественную литературу.

Въ настоящее время, когда газеты взяли верхъ надъ изданіями, обыкновенно называющимися у насъ журналами, очень трудно составить себѣ вѣрное понятіе о силѣ того сочувствія, какимъ пользовались «Отечественныя Записки». Всякое о томъ представленіе современныхъ читателей, которые въ сороковыхъ годахъ не могли еще, по своему возрасту, интересоваться литературою, окажется или слабымъ, или фальшивымъ. Еще за недѣлю до выхода книжки въ Петербургѣ (каждый нумеръ аккуратно выходилъ въ первое число мѣсяца), мы, москвичи, находились въ какомъ-то возбужденномъ состояніи: разсчитывали, когда именно прибудетъ она къ намъ, гадали и думали, какія статьи въ ней появятся. При полученіи ея, иногда и дѣло откидывалось въ сторону. Мы торопливо разрѣзывали листы и прежде всего бросались на критику, потомъ просматривали библіографическую хронику, а затѣмъ уже переходили къ отдѣлу наукъ или отдѣлу беллетристики, смотря по тому, въ которомъ изъ нихъ наиболѣе выражались наши любимыя идеи. Романы и повѣсти Жоржъ Занда были въ этомъ отношеніи настоящимъ для насъ кладомъ. Ознакомившись съ важнѣйшимъ содержаніемъ нововышедшаго нумера, мы вскорѣ собирались у кого нибудь изъ нашего круга, взаимно передавали впечатлѣнія, повѣряли свое удовольствіе удовольствіемъ другихъ, а иногда любили и поспорить о значеніи такой-то статьи, о ея достоинствахъ и недостаткахъ. То было истинно-пріятное времяпровожденіе! Никому изъ насъ не приходило на мысль считать часы, проведенные въ подоб-

¹⁾ Онъ писалъ: польце зелени, крокодилей, бѣлость (см. бѣлизна), не совайся (вм. не суйся), отгружаютъ (вм. разгружаютъ), наочный свидѣтель (отъ польскаго паосзну), по ступенямъ царей (т. е. по стопамъ, по слѣдамъ), я оглавлъ (изумился, ослобенѣлъ), калмыки кипятъ загородомъ (кишатъ). См. Литературныя поясненія Греча въ приложеніи ко 2-му тому «Сына Отечества» (мартъ и апрѣль 1838 г.).

ныхъ бесѣдахъ, потерянными. Мы были убѣждены, что журнальное дѣло наше приносить пользу, а при такомъ убѣжденіи нѣтъ мѣста ни сожалѣнію, ни раскаянію. На успѣхъ «Отечественныхъ Записокъ» мы смотрѣли, какъ на успѣхъ общественный. И потому, когда цифра подписчиковъ этого журнала отъ 600 или 700 возросла черезъ три-четыре года до 4,200, мы искренно радовались и торжествовали. Онъ сталъ журналомъ первенствующимъ, благодаря своему направленію. Значитъ, разсуждали мы, правая сторона, рано или поздно, беретъ свое, одерживаетъ верхъ надъ стороною неправой, какъ бы послѣдняя ни была сильна и откуда бы ни почерпала свою нечистую силу.

1846-й годъ былъ послѣднимъ годомъ участія Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», которыя, конечно, ему одолжены были своимъ успѣхомъ. Вмѣстѣ съ нимъ перешли въ «Современникъ» (1847 г.) и другія крупныя литературныя силы. Уменьшенному числу сотрудниковъ г. Краевскаго пришлось работать усиленнѣе. Я началъ писать болѣе и чаще въ отдѣлы критики и библиографической хроники, по временамъ посылая кое-что и въ другіе отдѣлы. Изъ статей моихъ я долженъ отмѣтить тѣ, которыя имѣли значеніе не только для меня собственно, но и для исторіи самого журнала.

Больше всего памятенъ мнѣ первый отрывокъ изъ «Записокъ человека», посвященный П. Н. Кудрявцеву ¹⁾. Онъ явился подъ псевдонимомъ Сто-одинъ, который былъ уже не новостью для читателей «Отечественныхъ Записокъ». Здѣсь кстати объяснить причину, почему я выбралъ такую, повидимому, странную подпись. Вотъ что подало къ этому поводъ. Въ 1841 году, вышелъ второй томъ Смирдинскаго сборника: «Сто русскихъ литераторовъ». Къ изданію предполагалось десять томовъ, съ десятью статьями въ каждомъ и портретами ихъ авторовъ. Просматривая нововышедшій томъ, я увидѣлъ на ряду съ такою возвышенностью литературнаго міра, какъ Крыловъ, и другими извѣстными личностями (Вельтманъ, Загоскинъ, Надеждинъ) имена Каменскаго, Масальскаго, Панаева (Владимира Ивановича), Шишкова и Булгарина. Такая смѣсь талантовъ мнѣ показалась забавною, и я подумалъ: куда мнѣ тягаться съ такими богатырями! могу ли мечтать о занятіи мѣста въ ихъ обществѣ, попасть хотя въ послѣдній, десятый томъ Смирдинскаго сборника! Нѣтъ, я лучше подожду и открою своей особой вторую серію, вторую сотню русскихъ литераторовъ, буду «сто первымъ». Вскорѣ послѣ этого, подъ первой же статьей, отправленной въ «Отечественныя Записки»: «Характеръ лирическихъ стихотвореній В. Гюго» ²⁾, я подписался выбраннымъ мною псевдонимомъ. Но

¹⁾ «Отечеств. Записки», 1847 г., № 12.

²⁾ «Отеч. Зап.», 1841, т. XVII (французская литература).

впослѣдствіи редакція журнала замѣнила его другимъ—Сто одинъ, полагая, что я имѣлъ въ виду французскій сборникъ «Cent et un». Эта замѣна такъ и осталась: мнѣ не хотѣлось входить въ переписку объ ошибочномъ толкованіи моей мысли, да и не стоило: отъ сто-перваго до ста-одного одинъ только шагъ.

Содержаніемъ указанной статьи изъ моихъ «Записокъ» служило то мистико-аскетическое настроеніе, которое охватило меня въ юношествѣ, послѣ прочтенія переведенной съ латинскаго книги «Брань духовная, или наука о совершенной побѣдѣ самого себя» (1787) ¹⁾ Въ послѣдующій періодъ жизни, при усвоеніи другихъ, прямо противоположныхъ воззрѣній, любопытно было вспомнить бывшее, сильно меня интересовавшее десятка за два лѣтъ. При интеллектуальномъ развитіи личности съ ея убѣжденіями часто происходитъ то же самое, что и съ чувствами. Къ тѣмъ и другимъ удобно приложить поговорку: «чему посмѣешься, тому и поработаешь», только выразивъ ее наоборотъ: «чему поработаешь, тому и посмѣешься». Влюбленный, наприимѣръ, охладѣвъ къ предмету своей страсти, не только становится къ нему равнодушнымъ, но иногда питаетъ даже отвращеніе. Какими мольбами, какимъ приворотнымъ зельемъ заставишь его пылать прежнею страстью! Скорѣе тигръ возвратитъ свою добычу, чѣмъ угасшая любовь снова загорится съ первоначальнымъ пламенемъ. Такую же участь испытываютъ и убѣжденія: въ чемъ нѣкогда видѣли мы идеалъ, чему поклонялись и приносили жертвы, какъ кумиру, то впослѣдствіи, при дальнѣйшей степени сознанія, вырабатывающаго новые идеалы, новые кумиры, мы разбиваемъ въ прахъ какъ неистинное. Мы негодуемъ и на доктрину, которой служили, и на самихъ себя, зачѣмъ подчинились ея обольщенію. Испытывая подобное негодованіе, я также захотѣлъ отомстить моей бывшей доктринѣ за поражение юношескихъ стремленій, за приниженіе ума, за оскорбленіе человѣческой природы... Вотъ какъ отозвался я объ отверженномъ ученіи, въ которомъ думалъ обрѣсти и основу для сужденій, и правило для дѣйствій:

«И я нашелъ этотъ кодексъ, на темныхъ страницахъ котораго начертано, что жизнь есть суровое наказаніе, что на бѣломъ свѣтѣ не свѣтъ и радость, а смятеніе и слезы, что обязанность человѣка—воевать съ самимъ собою и принимать побѣду, какъ сверхъестественный даръ. Случайно попалось мнѣ твореніе мрачнаго противника жизни, который видѣлъ въ ней самаго опаснаго врага живущихъ ²⁾. По его теоріи, врожденныя способности человѣка были ни больше, ни меньше, какъ пороки, ибо онѣ вытекали изъ зараженнаго источника. А такъ какъ главныхъ способностей у насъ двѣ: сознаніе и воля, то и главныхъ условій для брани съ жизнію—два. Первое—крайняя недовѣрчивость къ силамъ ра-

¹⁾ «Русск. Вѣст.», 1876, ноябрь.—Другой переводъ того же сочиненія напечатанъ въ 1794 г., подъ заглавіемъ «Подвигъ христіанина противъ искушеній».

²⁾ Разумѣлось цитированное сочиненіе: «Духовная брань».

зума, полное отсутствіе самоуваженія: чтобы значить что нибудь на полѣ сраженія, подобно было убѣдиться, что мы ничего не значимъ. И даже въ томъ случаѣ, когда спасительная недовѣрчивость овладѣвала умомъ и сердцемъ, мы всего менѣе обязаны считать ее своей заслугой и всего больше незаслуженнымъ даромъ, чѣмъ-то въ родѣ поэтического вдохновенія. Исправивъ пороки разума, т. е. уничтоживъ его сущность, надобно, по теоріи гоненій на жизнь, исправить такимъ же образомъ пороки воли. Въ этомъ—второе условіе борьбы, и главное здѣсь средство—отречься отъ естественныхъ влеченій. Притомъ, надобно замѣтить, что цѣль подобнаго отреченія отнюдь не въ томъ, чтобы побѣдить волю, но въ томъ единственно, чтобы приписать побѣду не своей волѣ. Побѣжденная природа утратитъ всѣ свои лавры, если дерзнетъ искать удовлетворенія въ самомъ актѣ побѣды: нѣтъ, стремленіе къ побѣдѣ и награда за нее должны лежать внѣ нашей натуры. Свое собственное удовольствіе, которое мы ощущаемъ, упразднивъ волю, — ничто. При каждомъ дѣйствіи, необходимо освобождать себя отъ всѣхъ побужденій, въ которыхъ есть хотя что нибудь человѣческое. Однимъ словомъ (говорило мнѣ руководство), воля да будетъ мертва, чувство тупымъ и умъ безумнымъ.

«Увлеченный мыслію о возможности пріобрѣсть сверхчеловѣческое совершенство, я сталъ прилежно вникать въ способы для достиженія цѣли. И тогда-то началась брань, крайне любопытная своей беззаконностью: брань между правилами системы, грозной своей нетерпимостью, и увлеченіемъ жизни, сильной своею естественностью. Я осуждалъ все, что противорѣчило законамъ моей исключительной нравственности: бѣшеніе сердца, свободное движеніе мысли, твердое желаніе воли—все надобно было умѣрить или подавить, какъ преступные замыслы человѣка, который хочетъ выйти изъ-подъ вліянія спасительныхъ постановленій. Я сѣтовала на радость, хотя она оправдывалась своею искренностью, боялся пріятныхъ образовъ воображенія и всего болѣе боялся горячихъ стремленій крови, находя въ ней стихію самую мятежную, самую непокорную условнымъ системамъ нравственности. Страсть была для меня страшилищемъ. Я изъ себя создалъ врага самому себѣ, врага опаснаго и безотвязнаго, потому что онъ домашній. На языкѣ моей системы, счастье заключалось въ отреченіи отъ того счастья, которымъ долженъ наслаждаться каждый, пришедшій въ міръ; верховное благо — въ отчужденіи отъ собственной природы; жизнь человѣка и всего міра—въ непрерывномъ самоумерщвленіи. Таинство жертвы, благодать страданія—вотъ идеалъ, къ которому я стремился по указанію моего руководства.

«Но что же вышло? Чѣмъ меньше я уклонялся отъ предписаній руководительной системы, тѣмъ болѣе чувствовалъ недовѣрчивость своего положенія. Вѣрность тому, что я называлъ прямою обязанностью, награждала меня отвлеченнымъ удовольствіемъ; но это же исполненіе долга заставляло меня живо ощущать дѣйствительное недовольство—плодъ существенныхъ потерь. На ряду съ одобреніемъ, которое я приписывалъ себѣ, какъ послушный ученикъ, изъ глубины моего чувства раздавался другой, оглушительный и ничѣмъ не заглушаемый голосъ естественной совѣсти, крикъ природы, которая, подобно мстительнымъ богинямъ, преслѣдуетъ безъ отдыха нарушителя ея законовъ. Послѣ напрасной жертвы—напрасное утѣшеніе, за утѣшеніемъ опять жертва: какая безплодная наука! Это ли значить жить? Какъ ни былъ молодъ мой рассудокъ, но онъ замѣчалъ въ избранной имъ нравственной системѣ два коренныхъ недостатка: непослѣдовательность самой себѣ и противорѣчіе естественному свойству вещей. Мнѣ казалось страннымъ, что, при томъ разъединеніи элементовъ человѣческой натуры, которое система проповѣдовала, при томъ превосходствѣ, ко-

торое она отдала одному изъ этихъ элементовъ, употреблялись, по ея же наставленіямъ, чисто чувственные средства для пріобрѣтенія сверхчувственного совершенства. Мнѣ казалось страннымъ, что эта система никогда не позволяла нашимъ способностямъ идти прямо, развиваться естественнымъ ходомъ, но переставляла мысли, чувства и дѣла, какъ бы забавляясь ихъ противонатуральнымъ перемѣщеніемъ. Стремилось ли состраданіе помочь несчастному?—система запрещала чувству испытывать сладость самоудовлетворенія, находить красоту и награду въ исполненіи своего благороднаго стремленія. Она требовала, чтобъ и предметъ, возбуждавшій чувство, и чувство возбужденное исчезли, уступивъ мѣсто третьему предмету, о которомъ человекъ въ то время и не думалъ. Смотрѣли ли глаза и умъ на прекрасное созданіе природы?—уму вмѣнялось въ обязанность помышлять не о созданіи, обратившемъ на себя его любопытство, а о предметахъ, которые не имѣли къ нему въ то время ни малѣйшаго отношенія. Жизнь долженствовала рождать понятіе о смерти, смерть — понятіе о жизни. Такое извращеніе нормальныхъ способностей нашихъ не могло нравиться здоровому человеку, и я бросилъ свою систему.

«Система правилъ, принятая мною въ руководство, оказалась и потому безполезна, что она не дала мнѣ обѣщаннаго: я не пріобрѣлъ небывалаго совершенства. Силы природы безпрестанно увлекали меня изъ душнаго затвора на чистый воздухъ, подъ открытое небо, въ объятія дружелюбныхъ намъ инстинктовъ. Кромѣ безполезности, система произвела положительный вредъ: она нѣсколько ослабила дѣятельность данныхъ мнѣ стихій, тогда какъ нужно было возбуждать ихъ энергію, сообщать естественное направленіе благороднымъ страстямъ. Сторонняя, косвенная и неожиданная польза ея заключалась въ томъ, что я въ послѣдствіи всѣми силами вознегодовалъ на то, чему прежде покорялся»¹⁾).

Статья произвела сильную сенсацію въ интеллигентныхъ кружкахъ обѣихъ столицъ. Въ Москвѣ читали ее и западники, и славянофилы. Н. Ф. Павловъ изъ дома въ домъ носился съ номеромъ «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ она напечатана, толковалъ ея значеніе, восхищался ею. Излишне говорить о томъ, какъ она понравилась редакціямъ и сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника». Бѣлинскій писалъ къ В. П. Боткину: «Я съ удовольствіемъ прочелъ повѣсть не повѣсть, даже рассказъ не рассказъ и разсужденіе не разсужденіе — «Записки человека», да еще съ какимъ удовольствіемъ!»²⁾. Боткинъ устроилъ обѣдъ, на который пригласилъ меня, какъ автора, и П. Н. Кудрявцева, какъ лице, которому посвящена статья; онъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ другими, общими намъ пріятелями, фетировать насъ, пить за наше здоровье. Къ сожалѣнію, особенныя обстоятельства не позволили намъ явиться по приглашенію, за чтó и получили мы сильные, хотя и незаслуженные, упреки, какъ дикари, чуждающіеся общительности. Студенты, приходившіе къ Кудрявцеву по воскресеньямъ для бесѣдъ о своихъ занятіяхъ, разспрашивали его обо мнѣ, разсуждали о статьѣ

¹⁾ «Отеч. Зап.», 1847, декабрь.

²⁾ Бѣлинскій, его жизнь и переписка, соч. А. Н. Пыпина, т. 2, стр. 312 и 313.

моей. Одинъ изъ нихъ, сынъ или племянникъ (не помню въ точности) бывшаго директора вологодской гимназіи, Ф—ва, сдѣлалъ мнѣ визитъ. Другой еще больше польстилъ мнѣ: въ театрѣ, во время антракта, изъ ложи, сосѣдней съ моею, онъ обратился ко мнѣ съ привѣтствіемъ и благодарностью какъ отъ себя лично, такъ и отъ всѣхъ своихъ товарищей, за великое удовольствіе, доставленное имъ «Записками человѣка». Не осталось къ нимъ равнодушно и духовное сословіе: ихъ читали и въ Московской духовной академіи. Протоіерей церкви Благовѣщенія, близъ Разгуляя, очень образованный и притомъ математикъ, чѣмъ большая рѣдкость между лицами этого званія, развѣдывалъ обо мнѣ у профессора Брашмана, инспектора институтовъ, зная, что я занимаю должность его помощника. Въ Петербургѣ, И. И. Введенскій, преподаватель русскаго языка и словесности въ бывшемъ Дворянскомъ полку, на урокъ, прочелъ мою статью воспитанникамъ, о чемъ самъ рассказывалъ мнѣ подъ великимъ секретомъ. Были читатели, знавшіе наизусть нѣкоторыя изъ нея тирады. Независимо отъ ея содержанія, имъ нравился самый слогъ. Наконецъ, позднѣе получилъ я изъ Ярославля (отъ 6-го мая 1853) небольшой подарокъ при слѣдующей запискѣ: «Въ брошюрѣ Парижскаго Общества религіозныхъ сочиненій: *Capitaine de vaisseau et son mousse*» (1825, № 21), я нашелъ первообразъ «Капитана Боппа» Жуковскаго. Такъ какъ вещь эта вамъ, можетъ быть, неизвѣстна и достать ее порядочно трудно, то, посылая вамъ списокъ ея, прошу принять его какъ малый знакъ того безконечнаго уваженія, которое питаютъ къ вамъ всѣ ревнители серьезнаго, соціальнаго образованія». Не выставлю имени писавшаго, не зная, будетъ ли то ему угодно, но считаю долгомъ выразить при этомъ случаѣ сердечную ему благодарность: сочувствіе людей просвѣщенныхъ дорого каждому. Однимъ словомъ, время, о которомъ я говорю, было временемъ моего триумфа: фирма «Ста—одного» возвысилась.

Но торжество этимъ не кончилось. Новый блескъ придала ему критическая статья, подъ заглавіемъ: «Русская литература въ 1847 году» ¹⁾. Редакціи «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», равно какъ многіе сотрудники ихъ, знали, что она принадлежитъ мнѣ, хотя подъ нею и не выставлено мое имя. Она состоитъ изъ двухъ частей: общей и частной. Общая излагаетъ направленіе литературы въ лицѣ лучшихъ ея представителей, или, вѣрнѣе, направленіе цивилизованнаго общества; частная, съ точки зрѣнія изложеннаго, дѣлаетъ обзоръ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ произведеній, явившихся въ предшествовавшемъ (1847) году. Первая часть очень понравилась, вторая вышла неудачной, какъ спѣшное и слабое приложеніе основъ къ наличнымъ фактамъ. В. П. Бот-

¹⁾ «Отеч. Зап.», 1848, январь.

кинъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, и К. Д. Кавелинъ высказали мнѣ въ письмахъ большія похвалы, хотя послѣдній остался доволенъ второю половиною статьи. Бѣлинскій, помѣстившій также обзоръ литературы въ двухъ нумерахъ «Современника» за 1848 годъ, писалъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: «Кто прочтетъ общую часть и моей, и вашей статьи, тотъ, право, подумаетъ, что мы согласились говорить одно и то же. Но какъ только дойдетъ дѣло до оцѣнки литературныхъ произведеній, тогда—иная исторія: посылай за старикомъ Бѣлинскимъ, а безъ него плохо». Этими словами, вѣрно, обозначался недостатокъ второй части моей статьи, что я и самъ вполне сознавалъ.

Все это было бы очень лестно моему самолюбію, если бы за свѣтлыми минутами торжества не наступила темная пора, если бы не пришлось мнѣ пережить, какъ выражаются французы, un mauvais quart d'heure. Началъ ходить слухъ, совершенно неожиданный. Толковали, будто при описаніи характера моего дѣда (въ «Запискахъ человѣка») я мѣтилъ на высокопоставленное лицо, имѣвшее такія же привычки. По нелѣпости слуха,—сказалъ мнѣ Т. Н. Грановскій,—вы можете сами заключить, что онъ идетъ изъ какой нибудь лакейской, и потому тревожиться имъ нѣтъ причины. Я и успокоился, но не надолго. Собирагель всѣхъ возможныхъ вѣстей, И. М. Снегиревъ, частый посѣтитель митрополичьяго подворья, отъ котораго онъ кстати и жилъ недалеко, сообщилъ мнѣ въ одно прекрасное (точнѣе—прескверное) утро, что отрывокъ изъ моихъ записокъ возбудилъ негодованіе и владыки (митрополита Филарета) и нѣкоторыхъ профессоровъ Московской духовной академіи; что они объясняютъ его, какъ явное отверженіе религіозно-нравственныхъ истинъ, что подъ книгой «мрачнаго противника жизни» я разумѣю будто священнѣйшую изъ всѣхъ книгъ. Это уже пахло не шуткой. Я не могъ не потревожиться. Къ вѣщающему моему смущенію, вѣсть Снѣгирева подтвердилась. На масляницѣ 1848 года, получилъ я записку отъ П. Н. Кудрявцева: «Вчера,—увѣдомлялъ онъ меня,—отецъ мой ¹⁾ былъ вытребованъ къ владыкѣ. Рѣчь шла объ извѣстной статьѣ, мнѣ посвященной. Было упомянуто ваше имя. Нужно ли говорить, любезный другъ, что можетъ случиться, если рѣчь перейдетъ въ дѣйствіе?». Эти строки рѣшительно напугали меня. Я бросился къ Петру Николаевичу разузнать обстоятельства то, о чемъ кратко говорилось въ запискѣ, а услышалъ отъ него слѣдующее.

Совершивъ обычный земной поклонъ, отецъ Петра Николаевича увидѣлъ въ рукахъ владыки книгу въ желтой обложкѣ («Отечественныя Записки»). Послѣ вопроса: «Читалъ ли ты въ этой книгѣ «Записки человѣка»? и отрицательнаго отвѣта, владыка сказалъ:

¹⁾ Отецъ П. Н. Кудрявцева былъ священникомъ на Данпловскомъ кладбищѣ.

— Знаешь ли, что эта статья не лучше сочиненій энциклопедистовъ? Въ ней отвергаются существенныя основы религіозной нравственности.

Священникъ, незнакомый съ содержаніемъ статьи, хранилъ молчаніе.

— Статья посвящена твоему сыну. Посвящаютъ обыкновенно тому, кто сочувствуетъ автору, единомыслить съ нимъ. Значить, и у твоего сына такой же образъ мыслей?

Молчаніе священника продолжалось.

— Я могъ бы позвать твоего сына и предложить ему этотъ вопросъ, но предоставляю тебѣ, какъ отцу, испытать его. Что же касается до автора статьи, то вѣдаться съ нимъ ужъ мое дѣло.

Нужно ли объяснять, какъ этотъ рассказъ встревожилъ меня? А не тревожиться было нельзя. Обстоятельства того времени, и общія, и мои собственныя, угрожали мнѣ опасностью, мѣру которой ни я, ни кто либо другой не могъ опредѣлить. Объ общихъ обстоятельствахъ, послѣдовавшихъ за февралемъ 1848 года, не считаю нужнымъ говорить: они извѣстны каждому. Въ обстоятельствахъ же моей жизни совершалась важная перемѣна. Судьба моя была уже связана съ судьбой другаго, дорогаго для меня существа. Въмѣсто пріятныхъ хлопотъ по предстоящему семейному устройству, мнѣ пришлось скрывать отъ невѣсты мою внутреннюю тугу, потомъ объявить ей о могущей постигнуть меня бѣдѣ, утѣшать ее... И теперь воспоминаніе объ этихъ черныхъ минутахъ тоскливо сжимаетъ мнѣ сердце.

За совѣтомъ, какъ поступить въ приключившейся со мной притчѣ, пошелъ я къ Т. Н. Грановскому, наилучшему, незамѣнимому въ этомъ отношеніи человѣку, никогда не терявшему бодрости духа въ постигавшихъ его невзгодахъ и умѣвшему внушать ее другимъ. Долго толковалъ онъ со мною, придумывая способъ если не отвести ударъ, то хотя нѣсколько ослабить его силу. Наконецъ, положено было немедленно написать другую статью, въ родѣ объяснительной записки къ первой, и немедленно же отправить въ «Отечественныя Записки» для напечатанія. Такъ я и сдѣлалъ. Вторая статья изъ «Записокъ человѣка» явилась въ мартовской книжкѣ этого журнала (1848 г.). Въ письмѣ къ редактору журнала я просилъ наблюсти, гдѣ слѣдуетъ, нѣтъ ли изъ Москвы какой бумаги, и если есть, то принять возможные мѣры къ моей оборонѣ. Недѣли черезъ три полученъ успокоительный отвѣтъ: бумага, дѣйствительно, поступила, но

Громъ не грянулъ, и я перекрестился.

Замѣчательно, что «Записки человѣка», возбуждившія сильный говоръ среди читателей, интересовавшихся каждымъ движеніемъ мысли, приняты были вовсе неодинаково людьми того круга, отъ

которыхъ зависить приговоръ, подлежить ли осужденію такой-то литературный фактъ. Въ этой неодинаковости впечатлѣнія выразилось различіе взглядовъ двухъ мѣстностей (Москвы и Петербурга) на одно и то же направленіе. Если въ одной изъ нихъ высоко стоящіе на общественной лѣстницѣ интересовались предметами отвлеченными, лежащими внѣ текущихъ и практическихъ потребностей, то въ другой лица той же высоты относились къ этимъ предметамъ совершенно равнодушно: витай себѣ сколько угодно въ поднебесныхъ пространствахъ, — думали они, — только не касайся земныхъ порядковъ. Въ этомъ отношеніи статья моя, конечно, самая невинная: она ничего и никого не задѣла въ земствѣ, даже не тронула чиновниковъ бывшей управы благочинія.

Не даромъ говоритъ пословица: пришла бѣда — отворяй ворота. Только-что отдохъ я отъ передраги по поводу «Записокъ чело-вѣка», какъ посыпались на меня инсинуаціи съ благородныхъ листовъ «Сѣверной Пчелы» за «Обзоръ русской литературы въ 1847 году». Нѣкто г. К. въ фельетонѣ означенной газеты (1848, № 17) выставялъ безнравственность мыслей, содержащихся въ первой, общей части «Обзора». Я, напримѣръ, указывая недостаточность личной, одиночной благотворительности, выводилъ отсюда заключеніе о необходимости замѣнить ее благотворительностью общественной, какъ прочнѣе обезпечивающей нуждающихся: обличитель нашель, что я отрицаю чувство милосердія, состраданія къ ближнему. Отвѣчать на подобныя толкованія было бы все, а по тому времени и опасно. Но за то г. К. вскорѣ понесъ чувствительное наказаніе: Булгаринъ похвалилъ его фельетонъ въ своихъ «Замѣткахъ, выпискахъ и корреспонденціяхъ»¹⁾.

Съ первыхъ мѣсяцевъ 1848 года направленіе критики въ «Отечественныхъ Запискахъ» измѣнилось, — къ лучшему, или къ худшему, не рѣшаю вопроса, а ограничиваюсь лишь заявленіемъ того факта, что критика не могла уже попрежнему быть тенденціозной, служить извѣстнымъ идеямъ и стремленіямъ. Она должна была обратиться къ другимъ предметамъ, выбрать иную цѣль, настроиться на иной ладъ. Собственно моей журнальной работѣ открылось дѣло, прямо подходящее къ специальнымъ моимъ занятіямъ. Обильный для нея матеріалъ представило «Собраніе сочиненій русскихъ авторовъ», Смирдинскаго изданія. И вотъ, съ 1848 по 1857 годъ, въ отдѣлахъ критики и наукъ явились разборы сочиненій Кантемира, Д. Давыдова, Богдановича, Княжнина, Кострова и Аблесимова, Карамзина, Жуковского, А. Измайлова и другихъ²⁾. Всѣ эти историко-литературные этюды нравились въ

¹⁾ «Сѣверная Пчела», 1848, № 22.

²⁾ Объ Измайловѣ и Карамзинѣ въ «Современникѣ» 1849—1850 и 1853 гг.

свое время читателямъ, а преподаватели русской словесности пользовались ими, какъ пособиями для своихъ уроковъ. Статьею: «Карамзинъ, какъ оптимистъ»¹⁾, заключился девятнадцатилѣтній періодъ моего сотрудничества въ двухъ наиболѣе распространенныхъ тогдашнихъ органахъ нашей періодической прессы. Конечно, я писалъ и послѣ въ нѣкоторые журналы, но это участіе уже не было постояннымъ: оно являлось отъ времени до времени, вызывалось случайными, иногда неожиданными побужденіями.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о моихъ беллетристическихъ покушеніяхъ, или грѣхахъ, какъ кому угодно. Ихъ всего на все четыре: «Старое зеркало», «Ошибка», «Кукольная комедія» и «Превращеніе»²⁾. Одна изъ этихъ повѣстей (Старое зеркало) заслужила одобреніе славянофиловъ, которые хвалили ее А. О. Армфельдту, зная, что я учительствую въ томъ институтѣ (Московскомъ Николаевскомъ), гдѣ онъ былъ инспекторомъ классовъ. Имъ пришлось по вкусу главное женское лицо, въ особенности его состраданіе къ крестьянскому быту, стѣсненному крѣпостнымъ правомъ. Разсказъ «Кукольная комедія» понравился П. Н. Кудрявцеву и содержаніемъ, и тономъ; за то Бѣлинскій просто разругалъ меня за него въ горячо написанномъ письмѣ, хотя тутъ же признавалъ за мною если не дарованіе, то способность (онъ различалъ эти два понятія) писать повѣсти. Вотъ два совершенно противоположные отзывы, при которыхъ оставалась, по крайней мѣрѣ, возможность утѣшаться однимъ изъ нихъ, такъ какъ тотъ и другой принадлежали извѣстнымъ личностямъ. Бѣлинскій и не могъ отозваться благосклонно о моемъ разсказѣ. Его мысль этого времени направлена была въ ту сторону, гдѣ нѣтъ мѣста идеализма. Поэтому настроенность чувства въ моей повѣсти онъ обозвалъ «противнымъ элегико-идиллическимъ пафосомъ», а меня самого «романтикомъ», что на языкѣ его значило «дрянь и тряпка».

Живо храня въ памяти исторію вышеизложенныхъ моихъ журнальныхъ занятій, я нахожу въ ихъ итогѣ несомнѣнное для меня добро. Они принесли мнѣ большую пользу — и литературную, и нравственную. Изъ ряда учителей, имъ же не было числа, журнальное сотрудничество выдвинуло меня на болѣе видное мѣсто, дало мнѣ положеніе литератора. Оно познакомило меня со всѣми московскими и петербургскими литераторами, которые такъ достойно, такъ почетно продолжали въ нашей словесности дѣло Пушкина и Гоголя, и содѣйствію которыхъ «Отечественныя Записки» и «Современникъ» одолжены были своимъ торжествомъ. Всѣ они

¹⁾ «Отечественныя Записки», 1857 г.

²⁾ Первые три повѣсти въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845, 1846 и 1847 гг.; послѣдняя въ «Современникѣ» 1847 г.

цѣнили мою трудолюбивую дѣятельность, а редакціи того и другаго журнала интересовались моимъ участіемъ. Но съ особенною благодарностью поминаю я это журнальное сотрудничество за Москву, гдѣ оно ввело меня въ кругъ самыхъ даровитыхъ, самыхъ почтенныхъ представителей университетской науки, въ пріязненное сообщество съ такими людьми, которые во всякое время и для каждаго возраста должны служить назидательнымъ примѣромъ, идеальнымъ образцомъ.

А. Галаховъ.

